

Евгений Крестьянников

Рец. на: А.А. Сорокин. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 256 с.

Eygenii Krestiannikov
(*Tyumen State University, Russia*)

Rec. ad op.: A.A. Sorokin. Reforma mestnogo suda v Rossiiskoi imperii: vlast' i obshchestvo (konets XIX — nachalo XX v.). Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23010170, EDN: PQCNOQ

Изучение организации в царской России ближайшего к населению правосудия, чему посвятил свою монографию А.А. Сорокин, безусловно важно. Не случайно Дж. Бёрбанк в фундаментальном исследовании российской волостной юстиции отмечает, что именно на этом уровне решалось подавляющее большинство юридических споров в империи, и это даже формально, с количественной точки зрения, воздействовало на жизнь социума не меньше, чем функционирование всей остальной судебной системы¹. Разумеется, рассматриваемые Сорокиным устройство и деятельность местных судов (преимущественно волостных

и мировых²) вызывали живое обсуждение в правительственных и общественных кругах. Поэтому намерение автора исследовать «эффективность диалога власти и общества в рамках решения проблем крестьянского правосудия на основе анализа хода и результатов общественно-политической борьбы вокруг реформы местного суда» (с. 21) представляется весьма многообещающим.

При этом читатель, хотя бы поверхностно знающий историю судебных инстанций дореволюционной России, сразу может заметить особый интерес Сорокина к преобразованию 1912 г., перестроившему волост-

Материал подготовлен при поддержке администрации Тюменской области и РФФИ, проект № 20-49-720019.

ной суд и восстановившему мировую юстицию. Однако напрямую о той реформе говорится лишь в финальной, третьей главе книги, а две предыдущие скорее подводят к данному сюжету. Это объяснимо и вполне оправданно, поскольку разные судебные органы до того развивались долго и неодинаковыми, иногда совершенно не пересекавшимися путями. Прежде всего автор рассматривает положение мировой юстиции (с. 22–82) и волостного суда (с. 83–131), а также споры, возникавшие вокруг данных учреждений, например, в связи с заменой в 1889 г. мировых судей земскими участковыми начальниками, во время работы комиссий под председательством М.С. Каханова в 1881–1885 гг. и Н.В. Муравьева в 1894–1899 гг. или на рубеже XIX–XX вв., когда крестьянское правосудие очень интересовало МВД и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, включая его региональные комитеты. И только потом он переходит к освещению борьбы вокруг судьбы местного суда, развернувшейся в 1907–1912 гг. (с. 132–223), когда её центральной ареной стала Государственная дума. Как и те, кто писал об этом ранее, Сорокин исходит из того, что перестройка юстиции являлась частью столыпинского курса, и от неё «во многом зависел успех аграрной реформы» (с. 136). Действительно, П.А. Столыпин придавал организации судоустройства большое значение и ещё 6 марта 1907 г. с думской трибуны заявил о необходимости заменить земских начальников и волостных судей «местным судом, доступным, дешёвым, скорым и близким к населению»³.

Развитие волостной юстиции прослеживается автором с 1861 г. Обобщая мнения исследователей, Сорокин выделяет «ключевые» её черты: минимальный формализм, использование

норм обычного права, традиционализм (с. 24), под которым подразумевается и сословность⁴. Вместе с тем показано, что взгляды на будущее данного учреждения во властных структурах и в обществе сильно разнились. Некоторые губернские совещания на рубеже XIX–XX вв. высказывались за его ликвидацию, другие — за сохранение и преобразование (с. 98). В местных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности звучала как критика, так и защита отдельного судопроизводства для крестьян (с. 102–106). Высказывавшиеся при этом полярные мнения свидетельствовали о противоречивости института, имевшего и явные недостатки (прежде всего небеспристрастность и даже неправосудность приговоров, зачастую опиравшихся на личные качества подсудимых, а не на квалификацию совершённых ими деяний⁵), и такие очевидные для крестьян преимущества, как доступность, быстрота и дешевизна⁶.

Так или иначе, институт, с 1860-х гг. постоянно критиковавшийся и в правительственных кругах⁷, и в обществе, просуществовал до падения империи. О причинах такой устойчивости Сорокин ничего не пишет. Анализируя подготовку реформы 1912 г., он лишь констатирует: когда законопроект был передан из Думы в Государственный совет, «неожиданно П.А. Столыпин и министр юстиции И.Г. Щегловитов тоже высказались против отмены волостных судов, что являлось стержневой основой реформы» (с. 196). В заключении этот шаг характеризуется как «неожиданная уступка» (с. 227). Впрочем, по мнению Сорокина, значение такого «манёвра» (с. 198) для Столыпина не следует преувеличивать: «Уничтожение волостного суда не являлось для него самоцелью. Для него важен был успех аграрной реформы. А для обеспечения

этого успеха было необходимо создать судебный орган, не зависящий от общины. Поэтому премьер-министр, для того чтобы законопроект И.Г. Щегловитова прошёл через Государственный совет, довольно легко согласился на сохранение рядом с новым бессловным судом волостного суда» (с. 197). Таким образом, «мотивация П.А. Столыпина» представлена как сугубо политическая и далёкая от тех реальных проблем, с которыми сталкивались судебные учреждения на местах.

Мировой суд — ближайшее к населению всесловное судебное учреждение, как показывает Сорокин, также практически с первых шагов оценивался современниками неоднозначно. Консерваторов особенно возмущал его выборный характер (с. 29–30). В конце XIX в. создавалось ощущение, что этот институт ожидает скорое уничтожение. К примеру, в комиссии Муравьёва выражение «мировой» даже исчезало из употребления⁸. В уездах с 1889 г. его функции перешли к подчинённым губернаторам земским начальникам, получившим также возможность влиять на состав волостных судов. В книге они достаточно привычно изображаются малообразованными, некомпетентными и неумелыми чиновниками (с. 44, 50, 53–54). Именно так они, как правило, воспринимались оппозиционно настроенными современниками. Между тем имеются исследования, доказывающие, что по своим профессиональным качествам и подготовке земские начальники мало чем отличались от основной массы российского чиновничества и работали не хуже и не лучше других государственных служащих⁹.

Впрочем, Сорокин убеждён в том, что «вопрос об эффективности тех или иных институтов местного суда в дискуссиях являлся второстепенным, дебаты имели явную или скрытую

политическую или идеологическую подоплёку» (с. 228). Вероятно, именно поэтому в его исследовании внимание уделяется в основном позициям различных социально-политических сил, тогда как конструктивные достоинства и недостатки имперской судебной системы и её эволюция оказываются в тени. Но это, в свою очередь, не позволяет глубоко осмыслить то, о чём собственно спорили консерваторы и либералы, правые и левые, бюрократы и общественные деятели, публицисты различных направлений и т.д. А из-за этого совершенно невозможно определить место изучаемой реформы в ряду других судебных преобразований.

Отчасти столь досадный пробел связан и с недостаточно внимательным отношением к работам предшественников. Так, во введении Сорокин утверждает, что интерес к рассматриваемой им теме «возник относительно недавно, в 2000-е гг.» (с. 6). Между тем различные её аспекты в той или иной мере освещались и дореволюционными юристами (произведения которых в списке источников и литературы почему-то отнесены к публицистике), и в прорывной для своего времени книге Б.В. Виленского «Судебная реформа и контрреформа в России» (Саратов, 1969), и в даже не упомянутых основательных монографиях С. Кучерова, Ф.Б. Кайзера, И. Баберовского, Дж. Бёрбанк¹⁰.

В итоге порой создаётся несколько упрощённая картина. Так, Муравьёв изображён как министр, послушно готовивший по воле императора контрреформу и «пытавшийся встроить судебную систему в бюрократический аппарат государства» (с. 61–62). Попытка решить эту задачу, как полагает Сорокин, и привела к тому, что проекты заседавшей под председательством Муравьёва комиссии, касавшиеся в том числе местного суда, «оказались

невостребованными», а происходивший в ней «диалог власти и общества» остался «неполным» (с. 82).

Между тем, как метко выразилась М.В. Немытина, перед муравьёвской комиссией стояла в принципе неразрешимая задача — пересмотреть Судебные уставы 1864 г. на основе их неприкосновенности¹¹. Поэтому министру, бодро открывшему её заседания и затем заявлявшему о планомерной и системной работе, по сути, приходилось лавировать между монархами, желавшими преобразования органов юстиции, и сопротивлением юридического сообщества¹². В конце концов разработанный комиссией проект «заморозили» не возражения общественности, а трения между судебным, финансовым и полицейским ведомствами и разногласия в Государственном совете¹³. Затем в начале XX в. набрали вес сторонники восстановления норм 1864 г., выступавшие против смешения исполнительных и судебных функций¹⁴. Как пишет А.А. Сорокин, закон 15 июня 1912 г. «стал результатом длительных дискуссий между обеими палатами парламента и правительством», имея «компромиссный характер» (с. 228).

Примечания

¹ *Burbank J.* Russian Peasants go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004. P. 7.

² Автор не поясняет понятие «местный суд», что было бы целесообразно сделать во введении, и читателю приходится самостоятельно давать ему определение. Между тем, к примеру, И.И. Верняев ограничивает данный институт мировой юстицией и «конгломератом низших сословных, этносословных, этноконфессиональных судов (крестьянских волостных, станичных, инородческих, горских, сельских, народных и иных судов) и судебно-

административных инстанций (во внутренних губерниях — земских начальников, уездных съездов и губернских присутствий; на окраинах — крестьянских начальников и их съездов, областных управлений и проч.), распространявших свою юрисдикцию на крестьянское и инородческое население» (*Верняев И.И.* Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многосоставном обществе // *Новейшая история России.* 2018. № 4. С. 968).

³ *Столыпин П.А.* Речи в Государственной думе. 1906–1911. СПб., [б.г.]. С. 45.

⁴ Подробнее см.: *Безин В.Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017. С. 276.

⁵ *Почеревин Е.В.* Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX — 1917 г.). Бийск, 2013. С. 138.

⁶ *Borisova T., Burbank J.* Russia's Legal Trajectories // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 19. 2018. № 3. P. 484–485.

⁷ *Понн И.* «Безусловные похвалы, выказанные... в отношении волостных судов... сделаны людьми, смотревшими на дело с одной только теоретической стороны»: власть и местное судопроизводство в России во второй половине XIX в. // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. Коллективная монография / Под ред. Е.М. Болтуновой и В. Сандерленда. М., 2021. С. 200.

⁸ Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия. М., 2016. С. 269.

⁹ См., например: *Macey D.A.J.* The Land Captains: a Note on their Social Composition, 1889–1913 // *Russian History.* Vol. 16. 1989. № 2/4. P. 327–351.

¹⁰ *Kucherov S.* Court, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. N.Y., 1953; *Kaiser F.B.* Die Russische Justizreform von 1864. zur Geschichte der Russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. Leiden, 1972; *Baberowski J.* Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M, 1996; *Burbank J.* Op. cit.

¹¹ *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. Саратов, 1999. С. 198.

¹² *Taranovski T.* The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Vol. 29. 1981. № 2. S. 165–166.

¹³ *Baberowski J.* Op. cit. S. 475–479.

¹⁴ *Kaiser F.B.* Op. cit. S. 495–496.